

Об одном явлении исторического масштаба..., или Путешествие Дер Нистера из Москвы в Биробиджан

Недавно одна из центральных израильских газет на иврите «Магор Ришон» («Первоисточник») опубликовала статью из истории Биробиджана, которая вызвала живую дискуссию вокруг мотивов еврейского переселения на советский Дальний Восток. Мы предлагаем нашим читателям перевод этой статьи на русский язык, выполненный автором с небольшими изменениями специально для «БЗ».

Биробиджанская звезда - 36(17126) 22.05.2013

Винница-Москва-Биробиджан

9 июня 1947 года в Москву прибыл эшелон с еврейскими переселенцами «Винница-Биробиджан». На перроне переселенцев встречали руководители Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) при Совинформбюро во главе с Соломоном Михоэлсом, деятели культуры, литераторы и журналисты. Среди публики был и писатель Пинхас Каганович, широко известный в еврейских литературных кругах в СССР и за рубежом под мистическим псевдонимом Дер Нистер, «Сокрытый». В отличие от большинства своих коллег он не распрощался с будущими строителями «еврейской советской государственности», а устроился с вещами в одном из вагонов. В том же поезде ехал с семьей и поэт-фронтовик Иосиф Керлер, решивший поселиться в Биробиджане.

Этот поезд, состоявший из 45 вагонов на без малого тысячу пассажиров, из них треть дети-сироты, был вторым по счету еврейским переселенческим эшеленом, сформированным в измученной нацистами и их пособниками Виннице. За ним будет и третий, а потом еще девять подобных поездов, которые потянутся в 1947-48 гг. в Биробиджан с Украины, из тогда еще российского Крыма, а также из узбекского Самарканда. В последнем, самаркандском – моя полугодовалая мама с родителями и бабушкой. Формирование таких эшелонов стало результатом принятого в начале 1946 г. решения центральных властей о возобновлении массового еврейского переселения в Еврейскую автономную область, прекращенного во время войны из-за близости к оккупированной японцами Маньчжурии.

Эта поездка с трудом вписывается в образ жизни Дер Нистера. В годы революции и Гражданской войны он был одним из активистов «киевской группы» идишских писателей-модернистов, однако с приходом в Киев советской власти предпочел эмигрировать в Германию. В 1926 г. он вернулся в СССР, но старался держаться подальше от советской общественной жизни. В отличие от своих знаменитых друзей и коллег Переца Маркиша, Давида Гофштейна, Изи Харика, Ицика Фефера, Давида Бергельсона и других он никогда не принимал никакого участия в биробиджанской «агитации». И вдруг летом 1947-го серьезно больной и глубоко подавленный после смерти дочери в блокадном Ленинграде 63-летний Дер Нистер неожиданно для окружающих предпринял поездку в Биробиджан – совершенно самостоятельно, хотя и заручившись рекомендацией ЕАК. Причем поехал он именно переселенческим эшеленом, который двигался почти в два раза медленнее обычного пассажирского поезда.

После 19-ти дней пути переселенцев приняли на биробиджанском вокзале по тогдашнему обычаю праздничным многочасовым митингом. Множество жителей были специально отпущены для этого с рабочих мест, а школьников еще заранее отправили собирать цветы, которыми они и забросали приехавших под трогательные еврейские мелодии в исполнении городского оркестра. Самого Дер Нистера биробиджанские литераторы отправились встречать в Облущье у границ автономии. Местные власти позаботились об удобном номере для писателя в гостинице «Биробиджан» и даже прикрепили к нему повариху, которая готовила блюда с учетом молочной диеты, которую он соблюдал.

Первый секретарь обкома Александр Бахмутский, далекий от еврейской культуры, но осознававший ее ключевую роль для дальнейшего существования автономии, немедленно принял его у себя в кабинете. Бахмутский выразил солидарность со всеми инициативами Дер Нистера, вызванными в первую очередь заботой о нуждах новых переселенцев («Если бы вы хотя бы наполовину относились к ним так, как ко мне!»), однако выходящими далеко за насущные бытовые проблемы. Дер Нистер просил, среди прочего, оказать усиленную поддержку школам с преподаванием на идише, открыть еврейское книжное издательство, увеличить формат газеты «Биробиджанер штерн».

Теплый прием в Биробиджане буквально вскружил голову писателю. «Кажется, на протяжении всей своей жизни в СССР Дер Нистер не удостоился такого почитания...» - писал в своих воспоминаниях поэт из Польши Израиль Эмиот, осевший в Биробиджане в 1944 г. После встречи с Бахмутским Дер Нистер заперся в гостиничном номере, попросил не переводить к нему телефонные звонки и приступил к написанию своих путевых заметок «С переселенцами в Биро-Биджан». Серия очерков под таким названием была немедленно опубликована как в Биробиджане, так и в московской и нью-йоркской прессе на идише. До современного читателя они дошли благодаря посмертному собранию рассказов и эссе Дер Нистера, выпущенному в Нью-Йорке в 1957 г. С пафосом, используя библейские формулы, он писал о возобновлении еврейского переселения в Биробиджан как о явлении исторического масштаба. Одной из центральных метафор этого явления стала свадьба в эшелоне:

«Да, бедно, но весело: два клезмера, один «служитель культа», без кольца и с водкой вместо вина, но – люди плачут и танцуют на свадьбе дочери и сына нашего чуть было не уничтоженного народа, сына и дочери этой всегда жизнелюбивой, всегда выходящей из всех огней и несчастий нации... Лехаим!.. Да отстроится Дом Израиля, во имя детей и их потомков!»

Увлечение хасидизмом

Эмиот, который в свое время познакомился с Дер Нистером в Москве, в те дни был частым гостем у него в гостинице, а иногда и присоединялся к ежеутреннему променаду писателя до Биры и обратно. О чем они говорили? О задержке публикации в московском издательстве «Эмес» продолжения монументального романа Дер Нистера «Семья Машбер» о семье браславских хасидов, о его радости в связи с переводом этого романа на иврит, о литературе, философии, истории. Из библиотеки имени Шолом-Алейхема, в которой в те дни можно было найти редчайшие издания, недоступные в других советских библиотеках, Эмиот с гордостью принес Дер Нистеру в немецком оригинале «Историю евреев» Генриха Греца, исследования основателя научного изучения иудаизма Леопольда Цунца и хасидские изыскания философа-экзистенциалиста Мартина Бубера. Из воспоминаний Эмиота складывается впечатление, что именно хасидизм, особое философско-религиозное течение в иудаизме, зародившееся в российской «черте оседлости» в XVIII веке, стал центральной темой их разговоров, что в определенной мере объясняет тогдашнее почти экстатическое воодушевление Дер Нистера.

По свидетельству Эмиота, Дер Нистер на память цитировал знаменитого рабби Нахмана, основателя браславского направления в хасидизме. Вспомнил он и довольно известную притчу о рабби Якове-Ицхаке, основателе хасидского «двора» в польском местечке Пшисуха. У богобоязненного р. Якова-Ицхака, прозванного «Святым евреем», от страха перед Всевышним выпали все зубы, кроме одного. Р. Яков-Ицхак называл этот зуб нечестивцем. «Вот какие были наши великие праведники», – философствовал Дер Нистер в гостинице «Биробиджан» летом 1947 г., видимо, ободренный происхождением Эмиота, который со стороны матери вел свой род именно от «Святого еврея». Впрочем, упоминание последнего могло возникнуть и в связи с романом Бубера «Гог и Магог», где р. Яков-Ицхак фигурирует как один из центральных персонажей. В качестве члена ЕАК у Дер Нистера был доступ к зарубежным публикациям (Эмиоту он пожаловался на

несправедливую критику «Семьи Машбер» в ивритской прессе), и он мог познакомиться с этим романом в тель-авивской газете «Давар» в середине 40-х гг.

Увлечение хасидскими праведниками во время пребывания Дер Нистера в Биробиджане выглядит весьма симптоматичным. «Они не игрались в идишкэйт, в любой момент они были готовы пойти на заклятие», – поверял он Эмиоту свои сокровенные мысли. «Мы, современные евреи, все время занимаемся симуляцией еврейства. Это стоит нам совсем недорого. Как нам не хватает «Человек да умрет в шатре»! В шатре Торы нужно уметь умирать, нужно уметь жертвовать собой!» Так Дер Нистер пытался объяснить своему собеседнику, опираясь на известный комментарий на эту библейскую фразу из «Книги Чисел» (19, 14), согласно которому «шатер» – это «сень Торы», что в Биробиджане его привели отнюдь не соображения карьерного или материального характера (от чего он был чрезвычайно далек), а поиск путей к исправлению мира после чудовищной Катастрофы.

Дер Нистер, «Сокрытый», в молодости увлекался браславским хасидизмом и написал целый ряд рассказов в стиле рабби Нахмана. По обычаю хасидских праведников «удаляться в изгнание», т.е. жить некоторое время на чужбине, скрывая свое имя, теперь он решил отправиться в своеобразное «изгнание» наоборот, раскрыв свое лицо и сердце. При внимательном прочтении в его биробиджанских очерках проявляются философско-религиозные категории «изгнания» души и «изгнания» божественного присутствия в мире. Прежний, довоенный мир был разрушен до основания, и прозаический переселенческий эшелон – как в действительности, так и в качестве литературного образа – превратился в очерках Дер Нистера в «своеобразный Ноев ковчег, не на воде, а на железной дороге, в результате не всемирного потопа, а колоссальной мировой войны, которая ничем не лучше потопа». К радости автора, эшелон оказался полон молодыми обладателями «давидовой стати», которых «не испугают никакие Голиафы». Главное, однако, то, что настоящее исправление мира может состояться только там, где произойдет «новое рождение». Вся эта риторика вкупе с личным стремлением Дер Нистера к самобичеванию после Катастрофы европейского еврейства и смерти дочери в блокадном Ленинграде превратила изматывающее путешествие по железной дороге в символический ритуал. Видимо, уже в Биробиджане первоначальное намерение писателя продемонстрировать своим бесплодно «игравшимся в идишкэйт» коллегам «удаление в изгнание» трансформировалось в гораздо более обязывающую миссию: «вывести» соплеменников из состояния симуляции еврейской жизни в европейской части страны. Так душевный кризис вылился в добровольно взятую им на себя «мессианскую» роль.

Русско-еврейская «склеенность»

В те несколько недель в ЕАО Дер Нистер буквально излучал атмосферу своей особой миссии. Как уже говорилось, его предложения были поддержаны на самом высоком уровне (не считая помех со стороны секретаря обкома по пропаганде Зиновия Брохина, о чем с неприязнью пишет Эмиот). Помимо этого Дер Нистер удостоился впечатляющих проявлений признательности. На литературных вечерах, как в областном центре, так и в переселенческих поселках, при его входе в зал публика вставала и приветствовала его оглушительными овациями. Биробиджанский ГОСЕТ специально инсценировал его рассказ «Дед и внук». Герой этого рассказа, старый раввин из захваченного гитлеровцами польского местечка, вынужден именно в Судный день вести свою паству на смертную казнь. В руках у него древний свиток Торы, тело закутано в талес. Параллельно к виселице ведут и его внука-коммуниста. Рабби отказывается осквернить портрет Ленина, а внук отказывается осквернить свиток Торы. На нацистское приветствие «Хайль Гитлер» рабби отвечает вечным «Шма, Исроэль» и оказывается повешенным рядом с внуком.

Для историков старой школы времен холодной войны этот рассказ, как и сама поездка писателя в Биробиджан со всем ее малопонятным для сегодняшнего наблюдателя

пафосом, может послужить отличным примером вымученного симбиоза или «советско-еврейской склеенности», как выразился в уже упомянутой газете «Давар» ивритский писатель Ицхак Яцив о позднем творчестве Давида Бергельсона, намекая на его ангажированность и конформизм (Яцив иронично использовал хасидское понятие «двекус» - состояние близости к Всевышнему). Дер Нистер, действительно, никогда не противостоял советскому режиму и совершенно искренне любил русскую культуру. На его столе Грец, Бубер и каббалистические трактаты, которые поэт Иосиф Керлер заметил у него в поезде, мирно соседствовали с Чеховым. Эмиоту, как выходцу из Польши, было тоже сложно принять эту если не советскую, то, по крайней мере, русско-еврейскую «склеенность». С оттенком недоумения он рассказывает, как на попытку удивить его наличием в биробиджанской библиотеке редкой варшавской антологии литературы на идише Дер Нистер пренебрежительно заметил по поводу одного из авторов, что тот не стоит внимания, поскольку «не читал Белинского». Вместе с тем в отличие от тель-авивского журнала «Мознаим», охарактеризовавшего Дер Нистера как человека, подавляющего свои национальные чувства, Эмиот разглядел, что послевоенное возобновление переселения в Биробиджан было для писателя вовсе не щедрым жестом властей по отношению к евреям, как это воспринимали его коллеги в 30-е гг., а маленькой победой в постоянной схватке с ассимиляцией.

Впрочем, по мнению Эмиота, Дер Нистер плохо понимал природу советского строя и наивно, по-местечковому, полагался на силу уговоров на личном уровне и на возможности провинциальных властей. Выражением этой наивности Эмиоту показался сбор подписей родителей в поддержку школьного обучения на идише, организованный Дер Нистером в областном центре. Однако эти выводы явно сделаны постфактум, поскольку на тот момент шаги Дер Нистера оказались довольно эффективными, чего Эмиот не мог не знать. Писатель прекрасно понимал, где живет и с кем имеет дело. «Дай-то бог, чтоб этот пузырь не лопнул», - с недоверием отозвался он об обещаниях Бахмутского в присутствии Керлера. Бахмутский, несмотря на давление со стороны секретаря по пропаганде Брохина и намеки «органов», проявил себя человеком слова и гражданского мужества: уже в конце августа 1947 г. он подробно изложил в московской газете «Эйникайт» (орган ЕАК) программу образования на идише как «одну из важнейших задач в развитии еврейской советской культуры» (расширение сети национальных школ, открытие вуза «на родном языке», привлечение со всей страны еврейских преподавателей и студентов и перевод в Биробиджан кабинета еврейской культуры при Академии наук УССР), а в ближайшем учебном году санкционировал введение уроков идиша для нееврейских детей в нескольких школах области (в частности, в Валдгейме).

«Эмесе майсэ»

Объяснение биробиджанской «гиперактивности» Дер Нистера, до того упорно дистанцировавшегося от любого проявления общественной деятельности, нужно искать не в понимании им природы режима, а в духе хасидизма, который, как пепел Клааса, стучал в его сердце. Сама его поездка в Биробиджан и другие «наивные» шаги, ставшие с помощью прессы достоянием широкой общественности, представляли собой по хасидской терминологии «эмесе майсэ», что можно перевести в данном случае как «настоящее действие», в противовес симуляции. По сути, как личным примером, так и через свои очерки он указал направление для «нового рождения» своего народа, подразумевая прежде всего исход евреев из очагов геноцида и антисемитизма. В этом Дер Нистер был не одинок: в ноябре 1946 г. в Биробиджан прибыл бывший режиссер и актер «Виленской труппы» Алекс Штейн, человек редкого таланта, блиставший до войны на европейских сценах. По свидетельству его жены, актрисы Юлии Фляум, Штейн принял приглашение Биробиджанского ГОСЕТа, поскольку не желал больше «дышать смрадным воздухом Запада».

Живущий сегодня в Реховоте (Израиль) писатель Миша Лев, сопровождавший второй винницкий эшелон до Москвы как корреспондент «Эйникайт», рассказал мне в частной беседе, что Биробиджан казался тогда Дер Нистеру «последней соломинкой», хрупкой надеждой на выживание еврейской культуры в СССР. Его призывы к сохранению еврейского характера автономии были тоже «настоящим действием», а не пустыми лозунгами. После многолетнего молчания это стало его оригинальным протестом против конформизма тех, кого в разговоре с Эмиотом он назвал «современными евреями». Кого он имел в виду? Судя по всему, советско-еврейских культуртрегеров в целом, включая, видимо, и себя самого, - запуганных и неуверенных, вынужденных постоянно идти на компромисс. «В шатре Торы надо уметь умирать», - заявил он своему собеседнику, выросшему в хасидских кругах и способному понять его образный язык. Он подразумевал известный талмудический постулат, объясняющий библейскую цитату «Человек да умрет в шатре» следующим образом: «Сказанное в Писании осуществляется только для того, кто готов умереть за него». На фоне растущего ренегатства Дер Нистер призывал к «настоящему действию»: кто в самом деле хочет еврейской культуры, тот должен быть готов бороться за нее.

Протоколы допросов биробиджанских писателей, арестованных два года спустя, содержат сведения о дополнительных «наивных» шагах Дер Нистера в Биробиджане. Ничего особо «революционного» в них не было, поскольку ценность национальной культуры как основы и смысла существования автономии как таковой воспринималась тогда нормой, а расхождения могли возникнуть только вокруг характера этой культуры. Так, работникам «Биробиджанер штерн» он сделал публичный «выговор» за то, что их газета мало пишет о еврейской составляющей жизни ЕАО, слишком увлекаясь промышленностью и сельским хозяйством. На встрече с деятелями театра, литературы и просвещения писатель пристыдил публику за недостаточное внимание к еврейским школам. В частных беседах он говорил о необходимости введения того, что сегодня назвали бы «исправляющей дискриминацией» по отношению к школам области с преподаванием на идише. «Ключевой фигурой в развитии еврейской культуры является школьный учитель», - настаивал Дер Нистер, призывая писателей и журналистов области «подчинить этому всю свою работу». В сущности, эти скромные заявления о чрезвычайной важности воспитания подрастающего поколения для национальной культуры обозначили нижнюю планку в деле сохранения ЕАО как «идише хейм», уютного дома для евреев - как он романтично выразился, по свидетельству Керлера, на встрече с Бахмутским. Не повышение статуса области до республики, о чем неоднократно говорили различные функционеры, не первая в мире еврейская опера, как мечтали когда-то идеалисты 30-х гг., а всего-навсего школа. Здесь - рубеж, заберут эту «малость» (что, собственно, и произошло год спустя), и конец всему предприятию.

На последней встрече Дер Нистера с биробиджанской интеллигенцией на квартире у писателя Бузи Миллера августовским вечером 1947 г. царил атмосфера грусти и подавленности. Об этом тоже сообщают вышеупомянутые протоколы допросов, в основном с подачи «добровольных помощников», пара-тройка которых затесалась на эту встречу. Дер Нистер говорил об «особой роли Биробиджана в еврейской истории», о каких-то новых перспективах, но собравшихся не оставляло ощущение, что за этим кроется осознание того, что еврейская автономия, пусть даже почти номинальная - это едва ли не последнее место в стране, где еще можно было открыто обсуждать проблемы национального развития.

Дер Нистер уехал той же ночью, но оставался в центре биробиджанского дискурса вплоть до своего ареста в Москве 19 февраля 1949 года. Его запротоколированные слова и поступки оказались среди главных аргументов в судебных процессах против его биробиджанских «хасидов» - Израиля Эмиота, Бузи Миллера, Гешла Рабинкова, Любы Вассерман, Бера Слуцкого, Хаима Мальтинского, Наума Фридмана, а также против Бахмутского, «осмотрительного» Брохина и др. Фигурировали они и в московском «Деле

ЕАК» как подтверждение коварных замыслов по «развертыванию националистической деятельности». Сам Дер Нистер, не выдержав издевательств, скончался в лагерной больнице, буквальным образом реализовав ту самую библейскую максиму «Человек да умрет в шатре», которую он совсем не теоретически обсуждал в беседах с Эмиотом.

Бер (Борис) Котлерман